

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ВЫЗОВЫ ДЛЯ XXI ВЕКА

А. Г. Сарычев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2017 г.

Аннотация: *предпринята попытка рассмотреть причины крушения Российской империи в 1917 году под натиском революции, а также то, почему Временное правительство не сумело остановить Россию на этапе буржуазно-демократической революции, обеспечить бесконфликтное, демократическое развитие страны и уступило власть большевикам.*

Ключевые слова: *самодержавие, противоречия, оппозиционные движения, Государственная дума, Первая мировая война, Февральская революция, Временное правительство, двоевластие, Советы, большевики.*

Abstract: *the article attempts to consider the causes of the collapse of the Russian Empire in 1917 under the onslaught of the revolution. Why did the Provisional Government fail to stop Russia at the stage of the bourgeois-democratic revolution, provide conflict-free, democratic development of the country and cede power to the Bolsheviks.*

Key words: *autocracy, contradictions, opposition movements, State Duma, First World War, February Revolution, Provisional Government, diarchy, Soviets, February bolshevism.*

Источники и многочисленные исследования по истории Российской империи второй половины XIX – начала XX в. дают картину как значительных успехов, так и глубоких провалов практически во всех сферах жизни государства. Общеизвестно, что наиболее впечатляющих успехов Россия добилась в развитии промышленности. Первая волна индустриализации привела к тому, что к началу XX в. объем промышленного производства увеличился в 7 раз, а в результате рывка в начале века страна вышла по этому показателю на пятое место в мире. Это несомненный успех, который признавался и противниками самодержавия [1, с. 174].

Однако впечатляющие темпы роста не раскрывают полностью состояние отечественной экономики. Наиболее показательными являются сравнительные данные, а в их свете картина радикально меняется. Поразительных результатов добилась Россия в железнодорожном строительстве. Однако в начале XX в. на 100 км² территории Германия имела 10,6 км железных дорог, Франция – 8,8, Австро-Венгрия – 6,4, а Россия – 1,1 км. Потребление угля на душу населения в 1913 г. от уровня США составило 4 %, а стали – 6,25 %. Было подсчитано, что национальный доход на душу населения в том же году в Англии составлял 243 доллара, во Франции – 185, в Германии – 146, в России же только 44 доллара [2, с. 92, 233, 263].

Таким образом, при ближайшем рассмотрении положение Российской державы явно не соответствовало той роли, которую она стремилась играть в мире, и ее потенциальным возможностям. Между тем выход

на достигнутые рубежи потребовал от всей страны колоссального напряжения сил, предельной концентрации всех ресурсов. Это не могло не породить более общих противоречий. В частности, несмотря на растущую роль отечественной промышленности, своеобразным локомотивом ее развития являлся иностранный капитал. Его привлечение, несомненно, соответствовало долгосрочным стратегическим интересам России. Тем не менее его роль была неоднозначна, а в критических ситуациях и негативна. Развитие экономики в значительной, если не решающей степени зависело от финансовых вливаний Запада. Об этом убедительно свидетельствует совпадение периодов их роста или снижения и динамики темпов промышленного производства в России [3, с. 19]. Снижение притока зарубежных капиталов, как это было в самом начале XX в. и тем более в годы Первой мировой войны, сразу же ставило правительство в сложное положение. Естественно, такая зависимость нежелательна, так как обуславливает развитие экономики внешними обстоятельствами.

Значительно опаснее было обстоятельство, которое подметил, в частности, Р. Пайпс: «Как того и опасались консерваторы, зависимость России от иностранного капитала имела политические последствия... Обратившись к странам парламентской демократии в поисках финансовой помощи, Россия оказалась в силовом поле парламентской формы правления... Правительству, философия и практика коего покоилась на началах вотчинного абсолютизма, не оставалось ничего другого, как стать на путь экономической политики, подрывавшей его же основы» [2, с. 93].

Кроме того, слабая русская промышленность не могла выдержать конкурентного давления более развитой экономики западных государств. Следствием этого было засилье иностранных предпринимателей в банковском секторе и ряде отраслей промышленности – реже в высокотехнологичных, а чаще всего в добывающих, что также весьма показательно. Если прибавить сюда такие факторы, как вывоз прибыли, обслуживание государственного долга и т. д., то уязвимость страны от внешних влияний становится очевидной. Она еще более усугублялась структурой внешней торговли. В то время как в импорте преобладала готовая промышленная продукция, экспортировались продукты сельского хозяйства и сырье.

Положение отечественной промышленности во многом облегчала регулирующая роль государства. Однако предоставление субсидий, гарантий, казенных заказов или отказ в них, в значительной степени определявшие благополучие предпринимателей, имели как позитивные, так и негативные последствия. Они создавали нездоровую атмосферу зависимости буржуазии от чиновников. Контакты с неповоротливой государственной машиной, косностью, а порой и мздоимством людей, принимающих решения, обесценивали покровительственную политику. Это вызывало острое чувство недовольства режимом, которое выражалось широко известными критическими отзывами о правительстве, материальной помощью революционерам и т. д.

Еще одним узлом противоречий в России были отношения между трудом и капиталом, а также складывающимся пролетариатом и самодержавной бюрократией. Масштабы индустриального развития обусловили быстрый рост численности занятых в промышленности. Однако до 80-х гг. XIX в. в стране практически не существовало трудового законодательства, что создавало безграничные возможности эксплуатации. Начавшиеся с 1882 г. попытки законодательного регулирования отношений между работодателями и работниками вплоть до Первой мировой войны имели ограниченный и противоречивый характер и к тому же постоянно нарушались.

Как следствие, с конца 1870 – начала 1880-х гг. начались первые трудовые конфликты, принимающие порой весьма острый характер, как это было в 1885 г. Тем не менее С. Ю. Витте считал возможным в 1895 г. заявить об отсутствии в России и рабочего класса, и рабочего вопроса. При таком подходе нет ничего удивительного ни в том, что еще через 10 лет страна была парализована политической стачкой, ни в восприимчивости рабочими революционных идей. Очень точный диагноз ситуации поставил П. А. Сорокин: «Из кого чаще всего составляются революционные армии? Из пауперизированных слоев, людей которым “нечего терять, но которые могут приобрести все”...

“Голодные и рабы” – к ним в первую очередь апеллирует революция, и среди них она находит самых жарких адептов» [4, с. 276].

Не менее болезненной проблемой было расхождение в темпах развития промышленности и сельского хозяйства и связанное с этим положение деревни. В. И. Ленин точно определил, что противоречие, которое глубже всего объясняет революцию 1905–1907 гг. – это «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня – самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [5, с. 417]. Действительно, ограниченность реформы 1861 г. привела к тому, что русская деревня и через полвека после ее проведения находилась в сложнейшем положении. Мощным прессом, ограничивающим развитие крестьянского хозяйства, были выкупные платежи, отмененные лишь в 1906 г. Аграрное перенаселение в центральных губерниях страны диктовало сохранение архаичных средств производства. Связанная с этим рутинная обработка земли, наряду с другими причинами, приводила к тому, что урожаи в России были одними из самых низких в Европе.

Тяжелое положение деревни усугублялось фискальной политикой самодержавия. Стремясь преодолеть техническое отставание от Запада, столь драматически проявившееся в годы Крымской войны, оно последовательно проводило жесткую налоговую политику, основной тяжестью давившую на деревню. Рост прямых и косвенных налогов вынуждал крестьян продавать даже необходимую для собственного потребления продукцию. Здесь кроются в первую очередь масштабы экспорта продовольствия, о которых так много говорится в последнее время. Обоснованием этого явления были известные слова министра финансов И. А. Вышнеградского – мы будем меньше есть, но больше экспортировать. Такая политика обуславливала бедственное положение крестьянства, блестяще показанное А. И. Шингаревым. События 1905–1907 гг. наглядно показали отношение крестьян к существующим порядкам.

Состояние деревни, где в начале XX в. проживало почти три четверти населения, тормозило развитие капитализма в стране. На емкости внутреннего рынка негативно сказывалась низкая покупательная способность крестьян. Существование общины ограничивало предложение труда и складывание земельного рынка. Реформа П. А. Столыпина в известных пределах сняла эти препятствия, но, по мнению академика И. Д. Ковальченко, ее провал еще до 1914 г. означал невозможность победы в России «прусского» буржуазно-консервативного варианта аграрного капитализма [6, с. 69].

Не принесся радикальных изменений в жизнь российской деревни, попытка реформирования в то же время существенно повысила уровень социальной

напряженности как здесь, так и в городах. Ни сельское хозяйство, ни промышленность не были способны поглотить освобождающиеся рабочие руки. Не оправдала возлагавшихся надежд и переселенческая политика. Это означало рост численности «лишних» людей, т. е. рядов потенциальной «армии революции». Не вызвала оптимизма и динамика социальной структуры сельского населения. Столыпинская реформа не только не прервала тенденцию роста середняцко-бедняцких слоев, но даже усилила ее.

Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. привели к быстрому росту численности интеллигенции. А у нее исторически складывались непростые отношения с монархией. «Самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство» [7, с. 237].

С мыслями П. Б. Струве относительно роли русской интеллигенции в революции трудно не согласиться. Их подтверждает непреложный исторический факт: различные политические партии России имели к 1917 г. свои программы. И общим для всех их было неприятие традиционного самодержавия и то, что все они были разработаны интеллигенцией.

В оппозиции самодержавию находились и национальные меньшинства. Причем это происходило не только в среде народов, присоединенных силой оружия, но и на Украине и в других регионах, где русское влияние было традиционным. Наблюдавшаяся здесь рост национализма и ориентация на выход из состава России, естественно, не способствовали сохранению внутреннего мира в стране.

Все перечисленные и некоторые другие фрагменты противостояния в конечном итоге обуславливались одним, более общим и глубинным конфликтом – между бурно развивающимся в экономике капитализмом и практически неограниченным самодержавием, политической надстройкой, сохранившейся с дореформенных времен.

Мировой опыт свидетельствует о том, что своевременное снятие накопившихся противоречий с помощью реформ позволяет избежать социального взрыва, придать новые импульсы развитию государства. С этой точки зрения политика царизма была непоследовательной и, как следствие, половинчатой и запоздалой. Время «великих реформ» Александра II сменилось эпохой контрреформ, связанных с политикой Александра III. Что касается Николая II, то его позиция прекрасно видна из известного выступления перед представителями земств 29 января 1895 г., когда надежды на продолжение реформ он

назвал бессмысленными мечтами, а сохранение в неприкосновенности самодержавия определил в качестве своей главной задачи.

О том, что это не было только фразой, пусть и сказанной с оговоркой, свидетельствует отношение царя и его окружения к манифесту 17 октября 1917 г. «Великий князь Николай Николаевич, как известно, с револьвером в руке вынудил у царя подписание манифеста 17 октября, – отмечал П. Н. Милюков. – Витте в том же порядке спешности и неотложности открыто козырял перед царем в эти дни термином “конституция”, в обычное время неприемлемым» [8, с. 322–323]. Нет ничего удивительного в том, что принятый под давлением экстремальных обстоятельств манифест так и не стал фундаментальной основой радикальных перемен в системе управления государством. Казалось, созыв представительного органа – Государственной думы – и складывание многопартийности должны были положить конец противостоянию власти и общества. Но, как оказалось, изменить характер власти существенным образом они не могли и обеспечить успокоение общества на сколько-нибудь продолжительное время не сумели. По мере стабилизации обстановки отход от положений манифеста становился все более очевидным. Прямая зависимость правительственного реформаторства от революционного протеста становилась очевидной, и оппозиционные силы могли и были обязаны сделать соответствующие выводы. Правительство само дало урок отношения к нему, показав, что считается только с силой, провоцируя тем самым рост радикализма.

Социально-экономические процессы в пореформенной России и политика самодержавия вызвали бурное развитие оппозиционных движений в широком спектре от либералов до радикальных течений. Организационно оформившись в политические партии, они дополнительно осложнили положение правительства, оказывая на него давление как справа, так и слева. Представители правого лагеря в лице «Союза русского народа» и других партий категорически отрицали либеральную составляющую проводимой политики, рассматривая ее как гибельную для русской государственности. Показательны в этом плане реакция правых на опубликование манифеста 17 октября, их думская деятельность, борьба с П. А. Столыпиным и т. д.

В то же время либералы с начала века заметно «полевели». Оформившись в конституционно-демократическую партию, они отказывали в поддержке традиционному самодержавию. В исторической литературе можно встретить нескрываемые упреки в адрес кадетов за то, что, получив через три с половиной года законодательное оформление своих первоначальных требований, они тем не менее не пошли

на конструктивное сотрудничество с властью, выдвинув новые, по сути, неприемлемые требования [9, с. 55–59].

С такими упреками трудно согласиться как раз потому, что с 1902 г., когда были сформулированы требования, нашедшие отражение в манифесте 17 октября, до начала работы I Государственной думы прошло больше трех лет. Это время вместило в себя серию позорных поражений на суше и на море 1904 г., Кровавое воскресенье, поражение под Мукденом и трагедию Цусимы, Всероссийскую политическую стачку и потопленное в крови декабрьское вооруженное восстание в Москве. Можно ли было не учитывать всего этого? Наоборот, было бы удивительно, если бы потрясения такого масштаба не повлияли на политическую платформу кадетов. Думается, здесь правомернее винить правительство, указывая на цену запаздывания с принятием назревших решений, способных содействовать консолидации общества.

Трудно представить себе возможность конструктивного сотрудничества кадетов с самодержавием и в связи с тем, что политические идеалы их явно не совпадали. «Духовному взору моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, верная своим историческим заветам, счастливая любовью своих благодарных сыновей и гордая беззаветной преданностью престолу», – заявил Николай II 8 января 1914 г. [10, с. 51]. В противоположность концепции государственного устройства царя кадеты видели свой идеал в конституционной монархии, а следовательно, и в превалировании буржуазии не только в экономической, но и политической жизни страны. При таких расхождениях в тех реальных условиях найти основу для компромисса было чрезвычайно сложно. Как известно, он и не состоялся, и кадеты, хотя и не стремились к насильственному слому существующего порядка, при всей своей непоследовательности приближали свержение царизма.

В занимавших левый фланг партиях социалистической ориентации в результате раскола выделились наиболее радикальные группы, ставившие в повестку дня переход к социалистическому обществу. На это ориентировали своих сторонников решения III съезда РСДРП, которые П. Н. Милюков определил как зародыш ленинской программы 1917 г. В октябре 1906 г. из партии эсеров вышел Союз социалистов-революционеров-максималистов, считавших, что Россия готова к социалистической революции, и действовавших в соответствии с этим. Несмотря на немногочисленность и внутренние противоречия, радикальные силы постепенно набирали популярность и влияние в массах, что несло потенциальную угрозу существующему строю. Она становилась все более серьезной с началом нового революционного подъема.

Таким образом, к началу Первой мировой войны российское общество находилось в весьма неустойчивом состоянии. Успехи России в развитии экономики были несомненны и внушительны. Заметные изменения произошли и в политическом устройстве страны. Однако она оказалась не в состоянии наверстать отставание от наиболее развитых государств мира и даже, как показала война, обеспечить в должной мере свою обороноспособность. Не принесли успокоения стране и сделанные самодержавием в ходе революции 1905–1907 гг. уступки. Очевидным образом политика самодержавия накануне войны зашла в тупик.

Поражения 1914–1915 гг., колоссальное сосредоточение всех ресурсов государства на военные нужды и связанное с этим разрушение внутреннего рынка и уровня жизни населения быстро уничтожили установившееся единство русского общества. Самодержавие оказалось неспособным консолидировать общественные усилия. Более того, его деятельность давала обильную пищу для недовольства, подозрений, распространения порочащих слухов и т. д. Читая свидетельства современников, просто физически ощущаешь нарастание в России политических и социальных антагонизмов. И это на фоне полного паралича власти, поражающей своим бессилием, неспособностью выполнять свои элементарные функции, не говоря уж о силовом сопротивлении противникам режима. «Что-то подточенное падало, и то, что падало, чувствовало сильнее подточенность и неизбежность падения, чем те рабочие, которые должны были быть последним порывом ветра, свалившим трехсотлетнее дерево, – отмечал В. В. Шульгин, – ... Они – революционеры – не были готовы, но она – революция – была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть три четверти, состоит в ощущении власти своего собственного бессилия.

У нас, у многих, это ощущение было вполне. Ибо все в России делалось “по приказу его императорского величества”. Это был электрический ток, приводящий в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием» [11, с. 165–166].

В исторической литературе существует мнение, что революция 1917 г. является детищем Первой мировой войны. В свете изложенного такое утверждение представляется упрощением. Война была не столько причиной, сколько детонатором взрыва, своеобразной лакмусовой бумажкой, проявившей степень бессилия самодержавия, его вырождения. Тот же В. В. Шульгин сформулировал это с предельной откровенностью: «Уже несколько дней мы жили на вулкане. В Петрограде не стало хлеба... Но дело было, конечно, не в хлебе. Это была последняя капля. Дело

было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти. И даже не в этом. Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала. Не было в сущности ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает. Класс былых властителей сходил на нет» [11, с. 173].

Вину элиты за Февраль убедительно подтверждает свидетельство В. Н. Воейкова, относящееся к 1916 г.: «В это время образовалось совершенно открыто пять очагов революционного брожения: 1) Государственная дума с ее председателем Родзянко; 2) Земский союз с князем Львовым; 3) Городской союз с Челноковым; 4) Военно-промышленный комитет с Гучковым; 5) Ставка с генералом Алексеевым, нанесшая самый сильный удар русскому монархическому строю» [10, с. 199]. Свою лепту в крушение империи внесли и наши союзники [12, с. 204].

Несомненно, свою роль в развитии событий сыграл и чисто субъективный фактор – личность последнего русского императора. «Злой рок преследовал... царя с самого рождения... – отметил Р. Пайпс. – Все, за что он только ни брался, шло прахом, и вскоре он уже снискал репутацию “несчастливца”. Он и сам поверил в это, впадая во все большую нерешительность, прерываемую вспышками упрямства» [2, с. 67]. Весь комплекс обстоятельств и привел к падению династии Романовых – главному итогу этого этапа революции.

В отличие от советской историографии, объяснявшей Февраль результатом организационной и пропагандистской деятельности большевиков, после крушения СССР доминировала озвученная еще в первые послеоктябрьские годы идея ее стихийности. Как это часто бывает, истина, вероятно, лежит посередине. На подготовку революции работал целый спектр политических сил от Думы и кадетов до большевиков. «Протянутую руку оттолкнули, – писал П. Н. Миллюков о сентябре 1916 г., – конфликт власти с народным представительством и с обществом превращался отныне в открытый разрыв... Вначале тайно, а потом все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода» [13, с. 5]. Еще более резко охарактеризовал он последствия известных выступлений в Думе 1 ноября 1916 г. По его мнению, общественность сочла их началом русской революции.

Это, конечно, явное преувеличение. По свидетельству Н. Н. Суханова, 27 февраля 1917 г. П. Н. Миллюков, оценивая позицию кадетов в связи с развернувшимися событиями, заявлял: «Мы, как ответственная оппозиция, несомненно, стремились к власти и шли по пути к ней, но мы шли к власти не путем революции. Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш» [14, с. 88].

Действительно, их поиски компромисса с правительством даже в ходе революции хорошо известны. Однако в любом случае деятельность думской оппозиции работала на свержение царизма. Не случайно и В. В. Шульгин задумывался: «В минуту сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями» [11, с. 123].

Значительно более определенной по отношению к самодержавию была позиция социал-демократов. Общеизвестна революционная пропаганда большевиков в тылу и на фронте, ее масштабы. Аналогичные усилия прилагали и другие организации – эсеры, межрайонцы и т. д. Это давало свои плоды, свидетельством чего является нарастающая волна протестных акций трудящихся во многих городах страны. Эта деятельность не оставалась незамеченной. Тот же П. Н. Миллюков отмечал, что «подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась – особенно с начала 1917 г. – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона» [13, с. 14]. Таким образом, говорить об абсолютной стихийности Февраля вряд ли правомерно.

В то же время не следует и преувеличивать политического руководства выступлением масс. Той плановости единого руководящего центра, что мы видим в дни Октября, здесь, конечно, не было. В связи с этим мы можем говорить о стихийности взрыва, но не движения. Ни одна из партий не сумела увидеть всей глубины самораспада российского общества, оценить степень готовности пролетариата и солдат гарнизона столицы к массовым выступлениям. Неожиданным было и столь явное отсутствие воли к сопротивлению у гражданских и военных властей Петрограда. В результате, как и в революции 1905–1907 гг., партии отстали от народного движения и попытались возглавить его лишь в ходе событий.

Одним из важнейших результатов Февральской революции, во многом предопределившим дальнейшее развитие событий, а также зримо проявившим ее своеобразие, стало установление двоевластия. Некоторые современные авторы тезис о двоевластии подвергают сомнению. Его возникновение они трактуют как искусственную попытку преувеличить значимость Советов, которые, по их мнению, играли хотя и важную, но вспомогательную роль. Такая точка зрения не нова. Ее высказывал, в частности, еще А. Ф. Керенский [15, с. 146]. Тем не менее она представляется достаточно сомнительной. В таком случае трудно объяснить появление и действенность такого документа, как приказ № 1, судьбу царской семьи, которую Временное правительство намеревалось вывезти в Англию, и многое другое.

Противоречат таким утверждениям и свидетельства достаточно компетентных современников. Весь-

ма показательно, например, содержание телеграммы, посланной А. И. Гучковым генералу М. В. Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом» [2, с. 335]. О наличии двоевластия определенно говорили Н. Н. Суханов, В. Б. Станкевич и многие другие участники тех событий.

Дает мало оснований утверждать, что Временное правительство могло единолично обладать до лета 1917 г. реальной властью, и процесс его формирования. Откровенное стремление парламентской оппозиции к сговору с царизмом в момент, когда трон уже был фактически обречен, представляет разительный контраст с деятельностью революционной демократии. Оно, естественно, не осталось незамеченным и явно дискредитировало буржуазию в глазах общества. Отмечая это, Н. Н. Суханов подчеркивал, что здесь «как в капле воды отразился весь наш либерализм с его лисьим хвостом и волчьими зубами с его трусостью, дряблостью и реакционностью» [14, с. 88–89]. В связи с этим не случайна и формула поддержки деятельности нового правительства Исполнительным комитетом постольку, поскольку его деятельность будет отвечать интересам народа. Уже отсюда видна вся степень недоверия ему.

В условиях, когда Совет образовался раньше, чем правительство, корректнее говорить о добровольной передаче им власти в руки буржуазии. Традиционно считалось, что, принимая это решение, руководители Совета исходили из общепризнанного теоретического постулата: коль скоро революция буржуазная, то и власть должна принадлежать буржуазии. Однако, судя по свидетельствам современников, не менее важны для них были и чисто прагматические соображения. В случае попытки левых встать во главе государства события могли принять непредсказуемый характер, так как им пришлось бы столкнуться с объединенными силами монархистов и буржуазии, не имея ясного представления о настроении фронтовых частей армии. И это при отсутствии единства в рядах партий социалистической ориентации, подготовленного государственного аппарата, управленцев в сфере экономики, в условиях продолжающейся неудачной войны. Осознание этих фактов, по мнению В. М. Чернова, в решающей степени предопределило поддержку, оказанную Временному правительству [16, с. 154–160].

Казалось бы, меньшевики и эсеры сделали вполне разумный шаг, передав власть наиболее подготов-

ленному для ее восприятия слою, который еще до революции требовал создания ответственного перед думой правительства, выражая тем самым готовность к участию в управлении. Теперь, после падения царизма, когда перед обществом встала необходимость сформулировать новую общенациональную программу, способную успокоить народ, сплотить его и мобилизовать на ее реализацию, именно буржуазия должна была осуществить эту историческую миссию. Однако здесь как раз и сказались последствия ее зависимости от самодержавия и связанной с этим эгоистичности, лишившей ее навыков лидерства и государственного мышления. Она так и не смогла обеспечить бесконфликтное, демократическое развитие страны.

Первоначально казалось, что новое руководство страны успешно решит проблему ее модернизации на основах демократии и социального прогресса. Революция сняла все ограничения с деятельности «цензовых элементов», уничтожила социальные перегородки в бюрократическом аппарате, были ликвидированы ограничения в свободе творчества для широких кругов интеллигенции. Была объявлена амнистия политическим заключенным, провозглашено установление демократических свобод для всех слоев населения, осуществлен еще ряд мероприятий, которые в совокупности дали основание даже противникам правительства считать Россию самой свободной страной в мире из всех воюющих стран [17, с. 144].

Ранее привилегированные круги, в основном сохранившие свои имущественные права и общественное положение, считали революцию завершенной. Последствия продолжающейся войны для них, за исключением офицерства, были не столь ощутимы, во всяком случае, нужды и голода они не испытывали. Всех их объединяло теперь общее стремление к установлению твердого порядка. Ради достижения этой цели они готовы были и на крайние меры.

Однако наиболее угнетенным при царизме трудящимся массам Февральская революция принесла только то, что мы называем демократическими свободами. Резкий всплеск социальных ожиданий – сегодня мы победили, значит, завтра будем жить лучше – был обманут. Характерным признаком для России между Февралем и Октябрем стал прогрессирующий развал экономики. Нарастание кризиса в промышленности, на транспорте, в сфере финансов вело к росту безработицы, обнищанию большей части городского населения. Его экономическое положение не только не улучшалось, но усугублялось продолжавшейся войной. Мало изменились условия труда, сохранялась угроза мобилизаций и отправки на фронт. В условиях войны не могло принципиально измениться положение солдатской массы действующей армии,

не сбылись и чаяния крестьянства. Вполне закономерный вопрос – за что же боролись – подталкивал эти слои на продолжение борьбы за свои интересы, т. е. на углубление революционного процесса. Достигнутые политические свободы облегчали, прежде всего, рабочим консолидацию усилий. Леворадикальные политические силы, в первую очередь большевики, содействовали организационному сплочению этих сил, указывали пути и методы достижения поставленных целей. Все это делало невозможной реформистскую, эволюционную альтернативу развития страны.

Высокий уровень политического противостояния в обществе подогревался и широким распространением антибуржуазных настроений в рабочей среде. Они существовали и до революции, но после Февраля резко обострились, так как жизнь ухудшалась, а буфер между этими слоями в лице самодержавия был уничтожен. Современники хорошо видели эту ситуацию. Оценивая ее апрельское состояние, П. А. Сорокин писал: «На собраниях рабочих я все чаще слышал требование прекратить войну. Идеи, витающие в воздухе, относительно того, что правительство должно быть социалистическим и что не медля следует устроить общую бойню всех эксплуататоров, быстро распространились среди людей. Любая попытка... инженеров или предпринимателей установить дисциплину на заводах, дабы как-то поддержать уровень производства или уволить уклоняющихся от службы, тотчас определялась как контрреволюционная. Среди солдат ситуация была не лучшей. Подчинение и дисциплину как рукой сняло. Что же касается мужиков, то и они стали терять спокойствие и, казалось, вот-вот присоединятся к Советам...» [18, с. 230].

Чтобы удержаться у власти и остановить страну на этапе буржуазно-демократической революции, Временному правительству необходимо было сделать определенные и, видимо, значительные шаги навстречу февральским лозунгам трудящихся – приступить к решению проблемы прекращения войны и тем самым разоружения народа, а также к серьезным уступкам в социальной сфере. Первоочередной задачей было также преодоление, по выражению П. Н. Милюкова, вакуума легитимной власти. Однако в разрешении наиболее болезненных задач, стоявших перед обществом, Временное правительство Г. Е. Львова, а затем А. Ф. Керенского, вольно или невольно попало в замкнутый круг, в решающей степени обусловленный продолжающимся участием в мировой войне.

Отношение к войне было камнем преткновения в отношениях Временного правительства с Петроградским Советом. Это видно уже из сравнения «Воззвания к народам всего мира», принятого Исполкомом

14 марта 1917 г., и интервью П. Н. Милюкова газете «Речь» 23 марта, а также реакции на них [19, с. 290–295]. Отношение к ней со стороны трудящихся масс тем более было крайне негативным. К чему это приводило, хорошо видно из свидетельства П. А. Сорокина: «21 апреля 1917 года. Сегодня нам пришлось “понюхать”, что же есть на самом деле восстание масс. Министерство сношений отправило ноту союзникам, подтверждающую верность всем соглашениям и обязательствам, принятым ранее Россией. За это оно было подвергнуто яростным нападкам со стороны Советов и большевиков. Около полудня два хорошо вооруженных полка покинули бараки и присоединились к бастующим... Ситуация стала напоминать первые дни антицарского восстания, но в те дни еще удавалось контролировать массы. Правительство заявило об отставке Милюкова. А это значило, что правительство пало, ибо первая уступка толпе и большевикам свидетельствовала о конце Временного правительства» [18, с. 232].

Очевидно, П. А. Сорокин в своей оценке апрельского кризиса в значительной степени прав. Чисто буржуазное правительство стало в России невозможным. Уже это означало, что остановить страну лишь на итогах Февраля не удастся. Как трагедию русского общества можно рассматривать невозможность для буржуазии выхода из войны путем заключения сепаратного мира. П. Н. Милюков рассматривал это «как позор, несовместимый с честью и достоинством России... Прекратить войну признавалось возможным только путем заключения общего с союзниками мира» [19, с. 291].

Истинными причинами такой его позиции были программы территориальных приобретений, в которых была заинтересована буржуазия, а также труднопреодолимая зависимость нового руководства страны от своих западных союзников. О том, насколько последние были заинтересованы в сохранении России в числе воюющих стран, убедительно свидетельствуют, в частности, мемуары посла Великобритании Дж. Бьюкенена [20].

События в России могли бы пойти совсем по иному пути, если бы Временное правительство весной 1917 г. попыталось пойти на переговоры о мире. Ведь помимо огромного риска повторения массовых выступлений, зримо проявлявших слабость власти, ее неуверенность в собственной прочности, продолжение войны связывало правительство руки и в разрешении других проблем. Не будет преувеличением сказать, что оно так и не получило возможности полностью отдаться созидательной работе. Так, по соглашению с Советом от 2 марта оно взяло на себя обязательство начать немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания, которое установило бы форму правления и решило бы наиболее важные

проблемы в жизни страны. Это, несомненно, придало бы всей системе государственной власти большую устойчивость. Выраженная путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования воля народа придала бы правительству необходимую легитимность. Выборы поглотили бы и немало общественной энергии. Однако провести их в условиях военного времени было крайне сложно.

Нельзя упускать из виду и следующее свидетельство такого авторитетного участника событий, как В. М. Чернов: «Уже в апреле было установлено, что война обходится государству в 54 миллиона рублей ежедневно и что к концу бюджетного года дефицит достигнет 40 миллиардов рублей. А в то же время всем нам было известно, что аппарат взимания прямых налогов давно находится в состоянии полного паралича, что явочным порядком страна практикует безмолвный заговор неплатежа каких-либо податей и повинностей...» [21, с. 347–348].

Такова была цена продолжения войны. Однако не дешевле обходилось обществу и поведение буржуазии. В. М. Чернов свидетельствовал: «Почувяв, что красные дни сверхприбылей прошли, ...иные расчетливые предприниматели уже бежали с производственного фронта: разбазаривание инвентаря предприятий, запасов сырья и пр. давало возможность придать капиталу подвижность; множились закупки валюты и перевод капиталов за границу; росла спекуляция, особенно в сфере международных сделок – по существу более или менее контрабандных: самые баснословные барыши получались в области торговых сношений между воюющими странами» [там же, с. 349].

В свете таких свидетельств нет ничего удивительного в том, что рабочие и крестьяне все активнее поднимались на борьбу, причем ее экономические формы все теснее сплетались с политическими, перерастая в требования смены власти. Параллельно с организованным движением проявлялись и стихийные эксцессы, и прямые проявления бандитизма и грабежей, грозившие перерасти в неуправляемый анархический взрыв. Жестокость проявлений недовольства нарастала и в деревне, где хронический голод, как и в городе, был весьма распространенным явлением. Между тем П. А. Сорокин, анализируя причины революций, на первое место среди, как он называет, «подавленных инстинктов» ставит именно голод. Если правительство не способно предотвратить голод, считает он, «революция» в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, а на смену социуму на волю выпускается «бестия». Но как только видоизменяется тип поведения масс, то неизбежно с этим меняется и весь социальный порядок [18, с. 274–275]. Страна ощутимо

скатывалась к катастрофе, и это вызывало недовольство как справа, так и слева.

В атмосфере, чреватой взрывом общественного недовольства, единственным возможным способом удержаться у власти для Временного правительства было балансирование между наиболее радикальными течениями с обоих флангов с опорой на поддержку соглашательского ЦИК. Как известно, сторонники успокоения страны с помощью сильной руки, способной восстановить порядок, во главе с Л. Г. Корниловым выступили первыми и проиграли. Последствием заговора правых стали радикальные изменения политической обстановки в стране. Большевики получили возможность еще раз предъявить русской буржуазии тяжелые обвинения. «Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно то, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы» [22, с. 146].

А. Ф. Керенский, которого по традиции поддерживал ЦИК, сумел сохранить власть, но очень дорогой ценой. Правительственный кризис, продолжавшийся около месяца, стал напоминать агонию режима. Политическая обреченность премьер-министра в сентябре была очевидна всем, кроме него самого. Цепляясь за власть, он, по свидетельству собственного секретаря, «не предпринимал никаких конструктивных действий, занятый вместо этого обрамлением резолюций для несуществующего правительства. Государственные колеса катили страну в пропасть» [18, с. 240].

Таким образом, несмотря на кризисное положение власти, русская буржуазия не смогла подняться над своей классовой ограниченностью, а меньшевистско-эсеровские вожди советской демократии не нашли в себе политической воли отказаться от коалиции с ней. Никаким заверениям правительства и соглашательского ЦИК усталые, голодные, неоднократно обманутые люди уже не верили. Ни мира, ни хлеба, ни Учредительного собрания, ни радикального решения аграрного вопроса народ не получил. Политика Временного правительства настолько провоцировала рост радикализма в настроениях и действиях трудящихся, что политическим партиям вольно или невольно приходилось корректировать свои действия, чтобы не допустить разрыва с массами и не выпустить ситуацию из-под контроля. Показательны в этом плане процессы раскола в партиях меньшевиков и эсеров. Левые течения в них мотивировали свое несогласие с политикой лидеров именно расхождением с настроениями масс.

Очевидно, советская историография по идеологическим причинам преувеличивала степень влияния большевиков на население страны. Оно, несомненно, росло в крупных городах, прежде всего, в Петрограде

де и Москве, некоторых других регионах. Однако оно не было столь масштабным, как это нам порой пытались показать, и этому есть немало свидетельств. Даже на выборах в Учредительное собрание, проходивших после Октября, большевики смогли получить лишь около четверти голосов. Таким образом, первичным в развитии событий представляется не насаждение сторонниками В. И. Ленина экстремистских идей, в чем нас пытаются уверить некоторые современные авторы, а настроения значительной части населения страны.

На этом фоне можно говорить о другой важнейшей причине победы большевиков, факторе чисто субъективном – наличии лидера, обладающего политической волей, даром предвидения и не зависящего от теоретических догматов. В. И. Ленин сумел значительно глубже, чем руководители других партий, оценить ход событий и его перспективы, предвидеть действия политиков и их последствия. Он яснее, чем его оппоненты, осознал глубинные интересы основных социальных групп. На этой основе были выработаны соответствующие им программные установки, требования и лозунги, последовательно проводимые в жизнь.

Пожалуй, первым опережающим шагом В. И. Ленина по отношению к его оппонентам стало выдвижение лозунга «Вся власть Советам». Тогда в апреле он тем самым публично предложил лидерам большинства в них – меньшевикам и эсерам – взять власть в свои руки и провести в жизнь свои программные требования, которые во многом отвечали чаяниям трудящихся. Сделай они такой шаг – и вся последующая история Отечества могла бы пойти по другому пути. Но они предпочли вступить в коалицию с кадетами. Однако по мере затягивания с разрешением назревших проблем им все труднее было объяснить и оправдать свою поддержку правительства, а значит и его политики. Она компрометировала их в глазах народа, а по мере падения авторитета меньшевиков и эсеров росло доверие к большевикам, единственной партии, не грешившей соглашательством.

В результате в стране сложилась уникальная с исторической точки зрения ситуация. Февральский взрыв в Петрограде определенно вышел за рамки «классических» западных революций и имел тенденцию расширения и углубления. В революционный процесс втягивались армия и все новые регионы страны, радикальнее становились требования и формы борьбы за их выполнение. Ни Временное правительство, ни партии, доминирующие в Советах, не смогли возглавить движение, так как требования народа шли значительно дальше допустимого, по их пониманию, предела. Логика развития событий неумолимо подводила к альтернативе: или подавление народных выступлений железной рукой, или революция

пойдет дальше, путем прямого революционного действия, осуществляя вождения рабочих, крестьян, национальных меньшинств. Однако в условиях, когда народ был вооружен, попытка его подавления могла вызвать непредсказуемые последствия и стать самоубийственной. В сложившейся тогда обстановке его нельзя было сломать, следовательно, его надо было повести за собой.

Такая ситуация не могла быть предусмотрена самой смелой и глубокой теорией, и заслугой В. И. Ленина можно считать то, что он отошел от шаблона, рассчитанного на «нормативный» ход событий. Не вызывает никакого сомнения то, что он видел опасности и трудности, стоящие на избранном пути. В своих статьях и выступлениях этого периода он неоднократно подчеркивал, что страна не готова к переходу к социализму, и не предлагал непосредственного перехода к нему [23, с. 142; 24, с. 357, 360]. Однако уже в силу политического прагматизма партия не могла плестись в хвосте движения, только реагируя на события. В таком случае она просто разделила бы судьбу меньшевиков и эсеров, но не остановила бы роста общественной непримиримости, разгула страстей, чреватых крайне анархическими действиями.

В связи с этим необходимо отказаться от благой картины Великой Либеральной революции, уничтоженной злокозненными большевиками, которая создается частью постсоветской отечественной историографии. Основное внимание она уделяет проблеме террора в послеоктябрьское время, и это понятно с учетом масштабов трагедии. Нельзя, однако, не видеть, что в России еще задолго до 1917 г. накопился мощный заряд общественного противостояния. «Исследователей этого периода больше всего поражает... атмосфера всеобщей и глубокой ненависти, царившей в обществе, – писал Р. Пайпс о начале XX века. – ...Поскольку политические институты и процессы, способные мирно разрешить эти конфликты, так и не народились, было весьма вероятно, что рано или поздно все вновь пойдет по пути насилия, по пути физического истребления тех, кто встает на пути той или иной из враждующих групп» [2, с. 219].

Уже первые дни Февральской революции показали, что общественное противостояние неминуемо перерастет в насильственные действия. Отнюдь не экстремистски настроенный В. В. Шульгин вполне определенно записал свои впечатления от народа, заполнившего Таврический дворец: «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое...»

Боже, как это было гадко! ... Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бес-

сильное и потому еще более злобное бешенство... Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы – этот зверь был... его величество русский народ...» [11, с. 181–182].

Чувства В. В. Шульгина разделяли очень многие высокообразованные, интеллигентные люди, в том числе и готовившие революцию. Естественно, аналогичные чувства испытывала и другая сторона, только проявлялись они иначе, так как она держала в руках оружие. В исторической литературе число убитых и раненых в Февральские дни обычно определяется в 1300–1500 человек. Сами по себе страшные цифры тем не менее не исчерпывают трагизма ситуации: между гражданами одной страны пролилась кровь, отрезая пути к общественному согласию. Если же принять во внимание вторую волну убийств, прокатившуюся во время корниловщины, то невольно приходит мысль, что уже тогда страна была на грани гражданской войны.

В современной литературе, особенно публицистике, В. И. Ленина обвиняют в фанатичной устремленности к фактически диктаторской власти. Как свидетельство беспринципности лидера РСДРП(б) с июльских событий и до сих пор муссируется версия о В. И. Ленине как о немецком шпионе. Октябрьская революция провозглашается осуществленной на немецкие деньги [25]. О несостоятельности подобных утверждений многократно говорилось в мемуарной литературе и научных исследованиях, и, видимо, не было бы необходимости вообще упоминать о них, если бы они не появлялись вновь и вновь. Это столь же яркое проявление степени политизированности исторической науки, как и попытки показать Февральскую революцию всего лишь результатом заговора масонов. А ведь, казалось бы, истина на поверхности. Не кто иной, как В. И. Ленин, утверждал, что Октябрь был бы невозможен, если бы Февраль дал крестьянам мир и землю.

История Февраля завершилась событиями 25 октября 1917 г. По своей сути она является пиком кризиса старой общественно-политической системы – Российской империи, апофеозом государственного распада самодержавно-помещичьей России и первой попыткой привнесения на ее почву либерально-демократических ценностей. Царизм не смог найти «своего» оригинального пути модернизации страны, соответствующего духовному складу нации, исторической традиции «общинной цивилизации», как это иногда называют. Эволюция в этом направлении не состоялась. Однако и попытки реформирования с использованием опыта западных демократий никогда не были доведены до конца по причинам, о которых

уже говорилось. В результате страна потеряла время, необходимое для проведения постепенных, плавных преобразований, не допускающих «перегрева» общества. Возможности маневрирования у правительства сужались, а затем война отодвинула все остальные, не связанные с ней проблемы на второй план. В результате произошел такой силы разрушительный социальный взрыв, что он сокрушил все жизненно важные структуры государственного организма.

Временное правительство получило в «наследство» клокочущую страстями, раздираемую на части державу. Чтобы успокоить народ, необходимо было пойти на меры, чувствительно задевавшие интересы буржуазии. Слишком большие ожидания были связаны с войной, чтобы прекратить ее, пережив, может быть, самые трудные времена. Ликвидация помещичьего землевладения создала бы опаснейший прецедент, ставящий под сомнение правомерность владения банками, фабриками и заводами. Выполнение экономических требований рабочих нанесло бы ощутимый удар по прибылям и т. д. Пойти на это Временное правительство так и не смогло.

Однако попытка затягивания с разрешением всех этих проблем в сложившихся исторических условиях была чревата новым социальным взрывом. Голодный, утомленный народ, вкусивший свободы и имеющий на руках оружие, не желал больше ждать. С этой точки зрения Октябрьская революция объективно была неизбежна. К ней подводила вся логика народного движения, действия правительства, лидеров партий меньшевиков и эсеров. К этому, естественно, вела пропагандистская и организационная деятельность большевиков. Результат был налицо: «Общая атмосфера была так сгущена, что страна и массы, видимо, для всех, задохлись, – писал о днях середины октября 1917 г. Н. Н. Суханов. – Кризис был очевиден всякому. Движение масс явно выходило из берегов. Рабочие района Петербурга кипели на глазах у всех. Слышали одних большевиков и только в них верили» [26, с. 274].

В этой обстановке правительство и военное командование предприняли попытки взять ситуацию под контроль. Но успеха они не имели, скорее, наоборот.

Следует отметить, что вопреки сложившемуся мнению большевики отличались завидной выдержкой. В своем капитальном труде, посвященном революции 1917 г., А. Рабинович справедливо подчеркнул, что «вооруженное восстание в том виде, в котором его представлял себе Ленин, стало возможным только после того, как правительство предприняло прямое наступление на левые силы... Только создание представительного, полностью социалистического, правительства, ... как считали массы... могло дать им надежду, что не будет возврата к ненавистной жизни

при старом режиме, что удастся избежать смерти на фронте, что Россия сумеет быстро выйти из войны и, вообще, жизнь станет лучше» [27, с. 371].

Таким образом, реальной альтернативы революции осенью 1917 г. уже не существовало. Возможности мирного перехода к власти в руки Советов, о чем В. И. Ленин говорил и чего пытался добиться с момента возвращения в Россию и до конца сентября, были окончательно утрачены. В условиях сохраняющегося вакуума легитимной власти ее могла получить любая политическая сила, опирающаяся на доверие и поддержку достаточно широких и активных слоев народа. В конечном итоге это и произошло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 20. – С. 171–179.
2. Пайпс Р. Русская революция : в 2 ч. / Р. Пайпс. – М. : РОССПЭН, 1994. – Ч. 1. – 397 с.
3. Донгаров А. Г. Иностраный капитал в России и в СССР / А. Г. Донгаров. – М. : Международные отношения, 1990. – 168 с.
4. Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин // Человек, цивилизация, общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Ленин В. И. Политические заметки / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 16. – С. 415–420.
6. Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 52–72.
7. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П. Б. Струве // Из глубины : сб. статей о русской революции / редкол.: С. А. Аскольдов [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 298 с.
8. Милюков П. Н. Воспоминания. 1859–1917 : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М. : Современник, 1990. – Т. 1. – 446 с.
9. История России XX век / А. Н. Боханов [и др.]. – М. : АСТ, 1996. – 608 с.
10. Воейков В. Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков. – М. : Воениздат, 1995. – 431 с.
11. Шульгин В. В. Дни. 1920. Записки / В. В. Шульгин. – М. : Современник, 1989. – 559 с.
12. Алексеева И. В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 / И. В. Алексеева. – Л. : Лениздат, 1990. – 318 с.
13. Милюков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) / П. Н. Милюков // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. – М. : Книга, 1991. – 480 с.
14. Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. / Н. Н. Суханов. – М. : Политиздат, 1991. – Т. 1, кн. 1–2. – 383 с.
15. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте / А. Ф. Керенский // Вопросы истории. – 1990. – № 12. – С. 337–360.
16. Чернов В. М. Социалистическая партия (лидеры, позиции, колебания). Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / В. М. Чернов. – М. : Современник, 1991. – 381 с.
17. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 31. – С. 115–118.
18. Сорокин П. А. Бойня : революция 1917 г. / П. А. Сорокин // Человек, цивилизация, общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
19. Милюков П. Н. Воспоминания 1859–1917 : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М. : Современник, 1990. – Т. 2. – 444 с.
20. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Дж. Бьюкенен. – М. : Международные отношения, 1991. – 344 с.
21. Чернов В. М. 1917 год : народ и революция / В. М. Чернов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991. – 480 с.
22. Ленин В. И. Проект резолюции о современном политическом моменте / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 34. – С. 144–150.
23. Ленин В. И. Письма о тактике / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 31. – С. 131–144.
24. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (Б) 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 1958–1975. – Т. 341–371.
25. Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания / сост. В. И. Кузнецов. – СПб. : Алетей, 2001. – 406 с.
26. Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. / Н. Н. Суханов. – М. : Республика, 1992. – Т. 3. – 415 с.
27. Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде : большевики приходят к власти. – М. : Весь Мир, 2003. – 448 с.

Воронежский государственный университет
Сарычев А. Г., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей истории отечества, историографии
и документоведения
E-mail: iskra@hist.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 239-29-35

Voronezh State University
Sarychev A. G., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Modern Russian History,
Historiography and Documentology Department
E-mail: iskra@hist.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 239-29-35